

Новая 2003. - 2004. - 12-14 июля. - С. 24.

Сначала раздался крик, а потом наступила тишина. Это можно было принять за продолжение театрального капустника — мало ли каких трюков молодежь не придумает, но два тела реально лежали на мраморных ступеньках парадной лестницы в полной неподвижности. Похоже, «ушли» вниз через перила. Упали, одним словом.

Два часа назад персонаж Жени Ключкова по прозвищу Блин тоже падал — правда, из окна и, естественно, «за кадром», в самом финале премьерного спектакля по пьесе Алексея Славовского. Зрителей просили не переживать — «упал на дерево, сломал ногу и провалился в больницу два месяца. Теперь у него все нормально».

Жизнь повторяет театральные и вообще придуманные сюжеты чаще всего в графоманском варианте. Когда это происходит слишком буквально, доходит не сразу. Особенно посреди послепремьерного праздника. Стол во всю длину помпезного театрального фойе третьего этажа, чуть ли не сопя участников, два капустника. От старожил — классический, с декорациями, костюмами, сюжетом и моралью, от недавно пришедшей (не с улицы, конечно) в театр молодежи — вполне отвязный, с демонстрацией талантов разнообразных и в чем-то даже неожиданных. Тот же Женья Ключков — и спел, и сплясал, и на саксе сыграл, и посреди всеобщего веселья через перила «ушел» вместе с бросившейся к нему с поздравлениями неистовой поклонницей. Думали — клюквенный сок, оказалось — кровь.

— У вас теперь всегда так? — спросил я нового главного режиссера Магнитогорского драмтеатра уже после того, как «скорая», ко всеобщему облегчению, зафиксировала не опасные для жизни повреждения (в полном соответствии с текстом пьесы) и главного героя отвезли в больницу.

— Ты что имеешь в виду? — мрачно переспросил Сергей Пускепалис. — Спектакль, капустник или финал с полетом?

Я имел в виду все вместе.

Заповедник

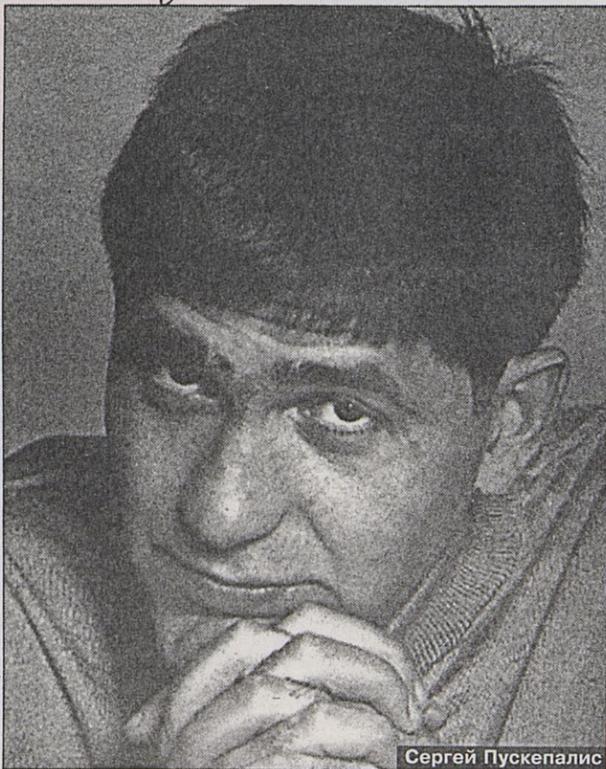
Магнитогорская Драма в странные 90-е благодаря своей антипровинциальной модели существования, привнесшей «беженцами» из душанбинского театра-студии «Полуостров» во главе с известным кинорежиссером Валерием Ахадювым, обрела вполне европейский вид. Никого уже не удивляло, что Магнитка проводит кинофестиваль мелодрамы «Хрустальная слеза», фестивали «Театр без границ» раз в два года собирают лучшие силы российской провинции, сам театр ездит повсюду, а дома тоже бывает весело. Много шума — было из-за чего. На бегу не заметили, как все кончилось. Гостеприимный город после смены властей оказался не готов поддержать (прежде всего финансово) выход на новый и вполне доказанный уровень притязаний; главный режиссер оказался там, где и должен был оказаться, — в Москве.

За пять «постхадовских» лет театр держал марку невероятным напряжением сил, лишь раз (и безуспешно) поддавшись соблазну обрести нового художественного лидера.

Он никак не находился.

Про это и про то

Итак, сдавали «Блин-2», пьесу, отыгранную еще в

Сергей Пускепалис

Игорь ПЯТИНИН

Два одиночества

Встретились случайно в Москве. Каждый со своей личной оскоминой.

«Бывший молодой» (как он сам себя теперь называет) директор Владимир Досаев, поэкспериментировав полгода с судьбой на чужом московском поле в качестве исполнительного директора фестиваля «Новая драма», уже потихоньку собирался назад в Магнитогорск. Новопеченный режиссер Сергей Пускепалис, сделавший вместе с мэтром Фоменко сразу ставшие знаменитыми «Египетские ночи», обжегся в своей же «Мастерской» на проверенном мате-

Премьера рубрики

Обычно в эти июльские дни лучшие театры из российских городов приезжали в столицу на гастроли. Сейчас — увы: Москва — один из самых дорогих городов мира, а провинциальные театры бедны. Поэтому мы решили устроить гастроли на страницах «Новой»

ской деревни Таракля, расположенной в Молдавии. Оба решили, что это невозможное совпадение уж точно перст судьбы.

Вышедший прошлой весной пронзительный и трогательный «Козий остров» с триумфом прошел два фестиваля и был признан лучшим спектаклем года по итогам челябинского областного театрального сезона.

Кажется, они нашли друга друга.

ткое и бесконечно далекое от какой бы то ни было благодатности и гармонии. Туда и возвращивает театр Пускепалис.

Мир «Блина-2» ужасающе дисгармоничен. Но в нем есть скрытая, продирающаяся сквозь весь этот скрежет мелодия.

Ничего не остается делать, как пытаться ее услышать.

Режим выживания

В новой жизни театру легче не стало. Бюджет урезают, городское руководство кривится при одном упоминании о «многом об себе думающей» Дrame, царствующий хозяин — металлургический комбинат, не без успеха европеизирующий Магнитку,

Чтобы обрести режиссерскую судьбу, ученик Петра Фоменко Сергей Пускепалис уехал на Урал

Упасть ввверх.

конце 90-х (но Сергей Пускепалис с художником Эдуардом Гизатуллиным так не думали). Город на уши не вставал, зрители уходили слегка или не слегка ошарашенные. Шестая в очередной новой жизни театра премьера не походила на все предыдущие. «Шли на комедию, попали на трагедию», — огорченно определил суть не выдержавший всего этого один из высоких гостей. Все точно, шок присутствовал.

Не в том дело, что в вечную тему «отцы и дети» не впрямую, но вплетена наркотическая проблема, от которой «отцы» предпочитают закрываться. Дело в том, с какой мерой жесткости рассказана короткая история из жизни молодежной компании, живущей в квартире, где пятеро спят под одним одеялом, еда и это добываются любыми способами, а вторжение «нормального» мира, естественно, не приветствуется. Отец главного

персонажа попадает сюда как представитель зрительного зала. И поначалу все соответствует заявленному жанру «охомедии». Дальнейшее — железом по стеклу, молотком по нервам.

Как человек Пускепалис не скрывал своего недоумения и даже ужаса перед явлением, как режиссер он знал, как его с помощью автора и молодых актеров отразить.

Когда эти падшие ангелы из своего подпольного ада вылетали в свой рай под чарующие звуки «Крылатых качелей», уносясь в мерцающей огней под самые колосники, мне было уже неважно, с помощью каких театральных эффектов это сделано, — я был внутри прекрасного проклятого полета.

И, кажется, начинал понимать, зачем выпускник последнего режиссерского курса Петра Фоменко оказался в Магнитогорске.

риале и чуть ли не собирался вообще заканчивать с профессией.

К Фоменко Пускепалис мечтал попасть с того момента, когда в 88-м старшиной первой статьи вернулся домой в Саратов — но тогда еще, видимо, не созрел. Под крылом классика Юрия Петровича Киселева (ныне ТЮЗ

носит его имя) за десять лет дослужился до заслуженного артиста России, первые режиссерские опыты оказались удачными, от стабильности до благополучия оставалось всего ничего, а к Фоменко ехать было поздно.

Как поехал и уговорил, как поступил и учился — отдельная история.

Режиссером он стал, режиссерскую судьбу надо было еще обрести. Получилось, что — в Магнитогорске, о котором Пускепалис ничего, кроме легендарного названия, не знал.

Уже в Магнитке выяснилось, что отец директора Магнитогорской драмы и мать приглашенного на постановку молодого режиссера — из одной маленькой болгар-

Спасение-2

— Ты узнаешь театр? — спросил директор, когда утихомирились послепремьерные страсти.

И да, и нет. Входишь, как в спектакль со старыми и знакомыми декорациями, но с новы-

ми действующими лицами. Все то же самое, и все иное — репертуар, эстетика, способ отношений. Старожилам не очень уютно (при всей демократичности нового главного), но общая судьба театра и конкретные отдельные актерские судьбы в переломные моменты редко совпадают. Наверное, это нормально.

Конечно, «Блин-2» не мог появиться в том театре, который я знал. Не потому, что совсем не было молодежи. Не потому, что к концу 90-х не было таких пьес.

Не было человека с опытом освоения новой реальности. Он пришел, и востребованными оказались иные герои и иное время, гораздо более жес-

никак не решился перевести симпатии к «гордости города» в форму серьезной поддержки.

Пускепалис упорен, как литовский крестьянин (литовские корни — со стороны отца), и уверяет, что они с Досаевым не соадутся. Он здесь, похоже, действительно счастлив.

Потому что — реализуется. Ставит то, что хочет («кто бы в Москве мне это дал?»), ничуть не переживает, что Москва не в курсе, откровенно радуется тому, что его — понимают («уверен, что по углам никто не глумит»), не без удивления открывает урало-сибирскую театральную периферию («куча замечательно интересных людей и театров»), совсем не считает, что репертуарный театр и институт главных режиссеров потихоньку умирают («это все критики придумали»), уровень держит («ни за один спектакль не стыдно»), о том, насколько хватит запала, не думает, не особенно тяготясь и опытом предыдущей жизни этого замечательного театра («нет, почему же, он мне чрезвычайно интересен, но — не мешает»).

В грандиозные и вполне безумные (точно так же было в театре полтора десятка лет назад) планы вписывается даже художественный фильм, который они с актером и режиссером Сайдо Курбановым хотят снять в Магнитогорске и в основном силами своей труппы. Что ж, Пускепалис — фамилия в кино известная. Правда, по сыну — 12-летний Глеб, сыграв в «Коктебеле», стал прямо-таки звездой, а Сергея порой «узнают» как «отца того самого Глеба».

Наверное, будут узнавать и как главного режиссера Магнитогорского драмтеатра. Пока все к этому идет.

...Женья Ключков, кстати, в спектакль вернулся. Через два месяца — как и было предписано пьесой.

Владимир МОЗГОВОЙ, наш спец. корр. Магнитогорск — Москва

Сцена из спектакля «Блин-2»

Игорь ПЯТИНИН